

О. Бревус.

* * *

На півдні ясній, в широкому степу, біля блакитних хвиль, в проміннях соєнних зродилась Воля... — На хмурій півночі, на просторах безкраїх, у сірій мряві виріс ї Кат...

Століття вже триває кривавий тяжкий бій між дітьми нерівними нерівних двох стихій... Здавалось — Воля одоліє: її веселий усмів ми бачили вже всі в проміннях сонця. Лише здавалось нам...

Ще ворог живе, ще він лютує, і гострі пазурі його ще в тілі Волі. Нерівний бій триває... Безсиліє все більше в останнім бою Кат... Ростає ї живе надія і в серці і в душі живій...

*****

Юрій Гончаров.
(Брно).

ЗАВТРА...

Вспыхнет солнце — огненный алмаз
В стеклах окон часом ранним.
Завтра пламень ждущих женских глаз
Станет ближе и обманнѣй.

Щуря вагляд в таинственный туман,
В тайный сон рѣсниц открытых.
Высоко с вином внесу стакан
И смѣясь, швырну о плиты.

И пойду с шумящей головой —
Хмельный, воздух пить зеленый.
Побреду под освет вѣтровой
Между стѣн шумящих кленов.

Буду слушать, как вода шуршит.
В гущах вешних листьев пьяных
Я сыщу гнѣздо, гдѣ вѣтер спит...
И свалюсь... засну в бурьянах.

15/IV—1927.

* * *

Сокрыв в своей душѣ немеркнувшее иго,
Я в смутный час гадал над жаром золотым.
И в мозг встретила мысль мнѣ пламенная книга,
И вѣще значки метал колючій дым...

Гаданья предрекли мнѣ: вьюжную дорогу
И сумрачную жуть невѣдомой грозы.
И синіе псалмы я огненному богу
Сложил в суровый час, приняв святой призыв.

17/XI—1927.

*****

Санжа Балыков.

Ад'яново счастье.

Ад'яну, восемнадцатилѣтнему парню, крѣпко нравиться бойкая, черноглазая, не дурная лицом, тонкая и стройная Алта, дочь сосѣда Цедена.

Цеден — гордый и самый зажиточный хозяин в своем хуторѣ; Алта у него — единственное дитя; он найдет ей не такого, как Ад'ян, жениха.

Ад'ян — одинокий сирота, долго он будет на ролях работника у скупого дяди, который его вырастил.

Ад'ян — молодец: он высок ростом, чист лицом, крѣпко и ладно сложен, танцор, пѣсельник и вообще весельчак.

На вечерниках не одна дѣвица бросает на него „теплые“ взгляды, но взоры Ад'яна всегда направлены в сторону смуглолицей Алты.

Лихо оттанцевав перед балалаечницей, он чаще всѣх передает очередь Алтѣ, лишь для того, чтобы не упустил случай робко прикоснуться рукой ея плеча.

А если заиграют в разноску кольца, то Алта уже заранѣе знает, что кольцо останется в ея рукѣ.

Она давно знает, что все это означает, но как дочь строгих родителей и думать не смѣет выбирать себя жениха, хотя Ад'ян ей и пріятен.

Поэтому всѣ ухаживанія Ад'яна, как бы не замѣчают Алта.

Однажды, весенним утром, сосѣди увидѣли, как Дава, дядя Ад'яна, одѣтый в черный шелковый бешмет, подпоясанный синим шерстяным кушаком, неся в правой рукѣ старинный кожаный „берве“ с рабѣй и небольшой бѣлый узелок, вошел в дом Цедена.

Всѣ поняли, что это сватовство.

Одна из любопытных сосѣдок немедленно побѣжала в Цеденов дом и подслушала такой разговор:

— Ну, Дава... что это за рак и гостинец, и с чѣм вы пожаловали ко мнѣ?

— Вы, как старѣй почтенный калмык, должны знать, — издали, традиціонным, витѣватым, старинным калмыцким языком начал Дава, — что наша старинная пословица гласит: гдѣ продажный конь, туда приходят покупатели, а гдѣ есть дѣвушка на выданьи, туда приходят сваты. Я пришел к вам, дорогой сосѣд, потому, что имѣю в соответствующих годах племянника, замѣняющаго мнѣ сына. Я пришел к вам с добрым

законным намёрением породниться с вами крепкими узами через посредство наших дѣтей. Я был у нашего Ламы, и он открыл в священном писании, что мой племянник и ваша дочь могут быть счастливы... — закончил Дава и молитвенно сложив руки, умолк.

— Мы с вами, Дава, всегда были добрыми соседями и теперь для вас я не имѣю дурных мыслей. Тому, что вы пришли с этим законным предложением, не сержусь, но я не могу принять вашего сватовства, — твердо и с достоинством отаѣтил Цеден.

— Цеден, не обижайте нас, не заставляйте нас вѣчно скорбѣть, что обратились к вам, пожалейте меня, вашего старого сосѣда, подумайте, посоветуйтесь с супругою и родственниками...

— Нѣт, нѣт, — перебив Даву Цеден, — ничей совет мнѣ не нужен, ипите свата по себѣ; свое окончательное слово я сказал, и дальнѣйшіе разговоры будут лишни. Хотите сердитесь, хотите нѣт, вы напрасно вздумали придти ко мнѣ. Вы бѣдны, а ваш племянник так вовсе гол; как же я могу выдать свою единственную дочь за одинокаго бездомнаго сироту.

— Простите, что же дѣлать, но выйдите, Цеден, из моих рук хоть чашку раки, которая ни к чему вас не обязывает. Иначе мнѣ стыдно будет выходить с нетрогнутой ракой, вы знаете, что по нашему обычаю это для меня очень позорно.

— Нѣт надобности, до нашего позора мнѣ дѣла нѣт, к вашей раке не хочу прикасаться, — оборвал Даву Цеден и, хлопнув дверью, вышел.

Униженный и пристыженный отѣтом и пріемом Дава не знал, что дальше дѣлать. Послѣ ухода хозяина никто в дом не входил, как будто не знали, что сидит там Дава.

Просидѣл так он до самаго обѣда.

К обѣду вошла хозяйка дома, молча взяла „берве“ с ракой, привяки в платок и, сунув всё это в руки Давы, предложила ему покинуть их дом.

С красным от стыда лицом вышел оттуда Дава и с опущенной головой побрел домой.

Увидѣвъ так скоро и с таким видом возвращающагося дядю, Ад'ян, накладывавшій на возилку навоз посреди двора, сразу догадался, что его дѣло не выгорѣло. Сердце сжалось и зацемило, злоба закипѣла в груди, и в порывѣ гнѣва стал Ад'ян шептать клятву:

— Да не прожить мнѣ положенные годы; не увидѣть мнѣ солнца жизни, если я не женюсь на Алгѣ. — шипѣл он про себя, все быстрѣе и быстрѣе раскидывая навоз.

Вечером жена дяди сказала Ад'яну, какой позорный и категорическій отказ они получили от Цедена.

Ад'ян молча выслушал и без ужина заваялся спать на свою жесткую постель за печкой. Долго он не мог заснуть; много передумал за ночь всяких дум.

На утро, когда дядя выѣхал посмотреть всходы хлѣбов, Ад'ян подошел к дядиной женѣ и рѣшительно сказал:

— Старая „берген“, я знаю, вы с дядей вырастили меня-сироту, вывели в люди, тещерь ноги мои могут уже достать стремя, а руки торочины. Я не забуду вас под вашу старость за все вами мнѣ сдѣланное, ничего от вас мнѣ не надо, думаю также, что и вы не можете что-либо от меня требовать, вѣдь с десятилѣтняго возраста я помогал дядѣ, не щадя сил, как наемный работник... А теперь, прощайте, я иду искать свое счастье. И Ад'ян пошел.

Дава, узнавъ об уходѣ Ад'яна, не особенно огорчился.

— Что же, придется во время лѣтних работ нанять работника, зато не заботиться о женитьбѣ Ад'яна и об его выдѣленіи с хозяйством, — сказал он и успокоился.

* * *

Ад'ян шел пѣшком, с плетью в рукѣ, направляясь к далекой Маньчи. В своем хуторѣ ему жить не хотѣлось. Он рѣшился добраться до коннозаводчиков, наняться в табунчики, заработать деньги, а там, что Бог даст. До ближайшей кашары коннозаводчика было верст сорок. Хорошо зная дорогу, он бодро шел.

Синее небо, с большими, как огромныя кучи ваты, бѣлыми облаками кое-гдѣ, высоко разстиралось над

ним. Горячее весеннее солнце щедро лило свои живительные лучи. Высоко-высоко, в поднебесы, парили кобчики, ястреба-хищники; виже заливаясь пѣли жаворонки — божьи музыканты. По обѣим сторонам степной дороги, пестрый ковер трав то и дѣло смѣнялся морем зеленѣющих хлѣбов.

Степная весна была в расцвѣтѣ своей красоты.

Легко и свободно дышала грудь. Ад'ян забыл свое бездомное одиночество, бѣдность; забыл полученную обиду; мечты одна соблазнительнѣе другой туманили ему голову и, вдруг, он зашѣл.

Пѣл он красивую старинную пѣсню со спокойным и величавым, как сама степь, тягучим мотивом. В ней горюилось о весеннем небѣ, о вольных птицах, о рыбах в морѣ и о добром молодцѣ, рыскающем по широкой степи на рѣзвом скакунѣ.

Раскраснѣлось лицо Ад'яна, заблестѣли глаза, раздуться стали ноздри, и рука крѣпче стала сжимать плеть. Не доставало только скакуна, чтобы, в опьяненіи от удали, выхрем помчаться по степи.

Кончилась чудная пѣсня старинны; умолк Ад'ян, вытер рукавом непрошено капнувшія слезинки; свернул в сторону от дороги и нырнул в волну душистых трав...

Было уже около полдня, когда проснулся Ад'ян и, посмотрѣвъ на солнце, тронулся дальше.

В лежачую на его пути калмыцкую станцію он не зашел, стыдясь своего пѣшеходства, ибо знал, что пѣшком калмык так далеко не ходит.

К вечеру он свободно добрался до Маньчи.

Перейдя казенный мост, в сторонѣ, на берегу рѣки, он увидѣл шалаш рыбака и попросился к нему на ночлег. Рыбак оказался старым казаком, у котораго было много друзей калмыков.

Поболтавъ со стариком кой о чем, поужинавъ свѣжкими сазанами, Ад'ян лег на сухом чаканѣ возлѣ шалаша. Туча комаров заставила его укрыться с головой старой шинелью рыбака.

Неугомонно кричали ночныя птицы на Маньчѣ, да тихо и однообразно пѣли комары.

* * *

Проснулся Ад'ян утром рано.

Чуть розовѣлъ восток, над рѣкой еще был густ утревий бѣлый туман. Гдѣ-то далеко вверху журавли тянули однотонное кру!-кру!-кру!

Старика уже не было в шалашѣ. Он сидѣл, стогрившись, на берегу рѣки у „дремачки“.

Цыбарка возлѣ него была полна чекамасами.

День его, видимо, начался удачно.

Поблагодарив старика за пріют, Ад'ян пошел дальше, по большой пыльной дорогѣ, что подымалась на гору.

Поднявшись на равнину он пошел по дорогѣ на юг, идущей мимо большого темно-зеленаго кургана.

С кургана Ад'ян ясно увидѣл красныя и зеленыя крыши строеній экономіи. До нея было еще верст восемь.

Не было еще полдня, когда Ад'ян начал спускаться с послѣдняго бугра к экономіи коннозаводчика. Она стояла на самом берегу заросшаго камышем и чаканом обширнаго пруда с длинной кривою греблей.

По эту сторону пруда был калмыцкій табунчикій хутун из десятка кибиток.

Ад'ян свернул к хутуну и спросил у дѣтей, играющих на дорогѣ в пызи, гдѣ кибитка старшаго табунщика. Ему показали большую сѣрую кибитку в передней линіи хутуна.

* * *

Старшій табунчик Учур, еще крѣпкій, пожилой калмык, только-что, потѣвъ большую чашку мелко крошенной жирной конины, принимался за чай с курагой, когда вошел Ад'ян.

Отвѣтив на робкое привѣтствіе Ад'яна, хозяин указал ему мѣсто на „ширдыкѣ“ пониже себя.

Хозяйка, рослая, смуглолицая женщина в бѣлом култѣ-халатѣ, поставила перед Ад'яном чашку мяса и кусок чернаго хлѣба.

Проголодавшійся Ад'ян живо привялся за ѣду.

Учур, хозяин кибитки, допил пятый стакан чаю, подожди пока набеется Ад'ян и, дав ему время выпить мясо шулюном-бульоном, заговорил:

- Ну, сынок, какой ты станицы?
- Багудской.
- А чей ты сын?
- Боргука.
- Боргука Монтанова?
- Да.

— Отца твоего я знал, мы с ним, — да будет он в царствѣ праведных! — служили в Одессѣ в одном полку... — Куда ты путь держишь?

— Я хочу наняться в табунщики; я — одинокий, спрота, — не зная, что говорить, добавил Ад'ян.

— Если хочешь, я тебя устрою у нашего хозяина, ко мнѣ в табун, мнѣ нужен один табунщик, — сказал Учур.

Ад'ян радостно согласился.

— Ну, так ты здѣсь у нас подожди до вечера. Я поѣду в контору и попрошу, чтобы тебя записали и прикажу к вечеру привести тебѣ коня ѣздового, — сказал Учур и, сѣвъ на великолѣпнаго рыжаго коня, поѣхал в экономію.

Вечером один табунщик привел Ад'яну коня с сѣдлом, а старший табунщик вручил ему синенькую наемную книжку, и он стал табунщиком.

В книжкѣ его было написано:

„Ад'ян Монтанов, нанят сроком на год с жалованьем сто пятьдесят рублей в год, без скота“.

Для Ад'яна началась новая жизнь.

Как калмык, от природы способный ко всему, что касается лошадей, Ад'ян скоро усвоил свое дѣло и усердіем и трезвостью понравился своему старшему.

* * *

Через мѣсяц послѣ поступления Ад'яна в табунщики, подошел калмыцкій весенній праздник „Урнос“.

В этот день калмыки мѣтят телятам уши, украшают кибитку зеленью, брызгают в знак наступления полнаго обилья в небо молоком, в хурулах служат молебны, а миряне гуляют.

На усѣлах в хутунѣ старики обойти всѣ кибитки и открыть праздник, как молодые табунщики стали сѣдлать лошадей, чтобы скакать в сосѣдніе хутуны и погулять у чужих.

Выѣхал и Ад'ян. Всѣх с хутуна выѣхало человѣкъ пятнадцать. Болѣе взрослые, любители выпить, успѣли обойти свой хутун и выпить по чашкѣ крѣпкой весенней раки из каждой кибитки. Молодежь, горяча коней, терпѣливо дожидалась старших. Наконец, всѣ выѣхали и поскакали гурьбой к хутуну сосѣдняго коннозаводчика.

Через полчаса безудержной скачки передніе уже были там. Ад'ян скакал в числѣ средних. Лошадь его, хотя и не из рѣзвых, но разгорячившись, несла во всю прыть.

В том хутунѣ, перед одной кибиткой, на бѣлом шитом ширдыкѣ лежал в одном нижнем бѣлѣхѣ пьяный старик.

У головы его сидѣла молодая калмычка, жена младнаго сына, и почтительно искала у свекора в головѣ.

Старик по своему блаженствовал.

— Женил я трех сыновей, сам в свое время был старшим табунщиком у полковника Грузинова, ни разу я не падал с коня неук, ни разу не промахивался арканом, жена моя не доила меньше десяти коров... вот как, дѣтка, развѣ плохой я старик? — бормотал он, когда, вдруг, наскочил на него на всем скаку Ад'ян, не справившись с тугоуздым конем. Конь прыгнул через старика, но копытом задѣвши его по рукам и разбил ее до крови.

Молодая завизжала и бросилась в кибитку.

Старик, пошатываясь, встал и стал звать сыновей для расправы с обидчиком.

Хутун исполошился, — разнесся слух, что приѣзжие дают стариков и дѣтей конем. Мѣстные молодцы живо стали сѣдлать и садиться на коней, чтобы наказать нахальных гостей.

Учуяв это, гости тоже посадились и выѣхали в сторону от хутуна. Через нѣсколько минут обѣ стороны уже жестоко бились. Бой был старинный, честный, рыцарскій: упавшаго с коня не топтать, кромѣ плети ничего в ход не пускать.

Ад'ян, никогда ничего подобнаго не видѣвшій в своей станицѣ, со страхом и удивленіем смотрѣл на этот бой на плетях. Он участіи в бою не принимал и стоял с мальчишками своего хутуна в сторонѣ.

Мальчишки подняли его на смѣх, что он восемнадцатилѣтній мужчина не принимает участія в бою и не идет на помощь своим хутунцам, а бой идет только из-за него. Стыдно было Ад'яну от этих насмѣшек, но он не знал, как бить человѣка, когда его никто не трогает.

Обѣ стороны, между тѣм, бились с равным успѣхом. Там и здѣсь попавшіе под ловкіе удары летѣли с коней, но, не обращая вниманія на раны и кровь, снова бросались в гущу, ища соперника по себѣ.

Вдруг мальчишки закричали:

— Смотри-смотри, Ад'ян! Воя нашего Лидже гоняет ихній Сахник. Скачи, Ад'ян, на перерѣз, иначе Сахник накладет Лиджѣ, говорят, что Сахник здорово может бить.

Ад'ян ударил коня и поскакал за Сахником.

Увлечшись преслѣдованіем Лидже, тот не обратил вниманія на поваго противника.

Ад'ян догнал его и изо всей силы ударил плетью по головѣ.

Сахник оглянулся, но продолжал гнаться за Лиджей. Раздосадованный своим слабым ударом, Ад'ян подскочил еще раз и опять потянул по головѣ Сахника. В ту же секунду Сахник внезапно осадил коня, а не ожидивши этого Ад'ян проскочил мимо.

Сахник змиг даванул коня, догнал Ад'яна и, как будто небрежно, как-то потянув плеть к себѣ в момент удара, огрѣл его по головѣ.

Искры посыпались из глаз Ад'яна, потемнѣло кругом, ноги выскочили из стремян, руки бросил повод и схватились за лук и гриву коня. Не проскакал его конь и десятка шагов, как Ад'ян свалился на землю. Ему показалось, что он покатылся с высокаго и крутого яра...

Очнувшись, он увидѣл, что мальчишки, пославшіе его в бой, окружили и с шутками и смѣхом поднимают его. Голова трещала, кожа и мясо меж бровей, немного повыше глаз, были разсѣчены до костей. По лицу текла кровь, смѣшанная с пылью.

Когда мальчики перевязали ему платком голову, Ад'ян сѣл на своего коня и больше уже не встал в бой.

Обѣ стороны, достаточно побившись, наконец, разѣхались. В обѣих партіях было по нѣсколько человѣкъ с синяками на лбу, с ранами на щеках, с шишками на головах, но всѣ были довольны и веселы. Серьезнѣе всѣх был ранен Ад'ян.

— Ничего, — утѣшали его старшіе, — рана от плети заживает, а от языка никогда... Ты не влиси и не думай о мести, кто мстит, тот себѣ шену словит... А биться надо научиться, иначе какой же ты будешь мужчина. Бой на плетях это — экзамен на всѣ качества, коими должен обладать мужчина — калмык. Умѣнье крѣпко сидѣть на конѣ, умѣло им управлять, ловко нападать и наносить крѣпкіе удары, не давая бить себя, все должно быть проявлено на дѣлѣ в бою на плетях, — поучали они Ад'яна.

(Okonchite sleduyem).

*****